

Г. Е. ЗИНОВЬЕВ

Большевизм или троцкизм?

<Фрагменты>

1

*Октябрьские разногласия и моя тогдашняя ошибка.
Кое-что о Бресте и о первом съезде партии после Октября*

Подменить ленинизм троцкизмом — такова задача, которую поставил себе тов. Троцкий. К этому он начал «подговариваться» уже в конце 1922 г. в его предисловии к «1905 году» (см. об этом подробнее в докладе тов. Каменева). Пока т. Ленин держал перо в руках, тов. Троцкий не решался на прямое нападение. Теперь тов. Троцкий, по-видимому, решил, что «настал момент». Раньше чем нанести «решающий» удар по всем правилам стратегии, необходимо произвести артиллерийскую подготовку. Роль дымовой завесы должно сыграть нападение на так называемое «правое крыло» большевизма, в частности на октябрьскую ошибку пишущего эти строки.

<...>

2

О ревизии ленинизма под флагом... Ленина

Последнее выступление тов. Троцкого («Уроки Октября») есть не что иное, как уже довольно открытая попытка ревизии — или даже прямой ликвидации — основ ленинизма. Пройдет самое короткое время, и это будет ясно всей нашей партии и всему Интернационалу. «Новое» в этой политике заключается в том, что из «стратегических» соображений ревизию пытаются проделать именем Ленина. Нечто подобное мы видели в начале кампании Бернштейна и бернштейнианцев, когда они приступили к «ревизии» основ марксизма. Идеи Маркса были уже настолько общепризнаны в международном рабочем движении, что даже ревизию

их приходилось, по крайней мере вначале, проделывать именем Маркса. Понадобилось четверть века, пока господа ревизионисты смогли окончательно сбросить маску и открыто признать, что и в теоретической области они начисто отрекаются от Маркса. С особенно полной откровенностью это сделано в литературе только в 1924 году — в недавно вышедшем сборнике, посвященном 70-летию Каутского.

Идеи ленинизма настолько преобладают сейчас в международном революционном движении — и в особенности в нашей стране, что «критики» ленинизма считают необходимым прибегнуть к такому же приему: они производят ревизию ленинизма «именем Ленина» — с ссылками на Ленина, с божбой о верности основам ленинизма (покойный Владимир Ильич в этих случаях любил повторять: «и как божиться-то не лень?»). Однако эта «стратегия» не поможет. Она уже разгадана ленинской партией. Не пройдет и несколько недель, и все воробушки на крышах будут чирикать по поводу провала этой знаменательной стратегии. Тов. Троцкий не учел малого: что партия-то у нас ленинская и что она выросла уже настолько, что умеет, представьте себе, отличать ленинизм от троцкизма. Покушение тов. Троцкого есть *покушение с негодными средствами*. Никому не удастся ни ликвидировать основ ленинизма, ни произвести даже частичную ревизию принципов ленинизма, ни даже добиться того, чтобы троцкизм признан был «законным оттенком» внутри ленинизма. Никому не удастся убедить партию в том, что нам нужен теперь некий «синтез» между ленинизмом и троцкизмом. Троцкизм в такой же мере годится быть составной частью ленинизма, как ложка дегтя «составной частью» бочки меда.

Что такое ленинизм? Ленинизм есть марксизм эпохи империалистских войн и мировой революции, *непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство*. Ленин был *пролетарским* революционером с головы до ног. Но он в то же время знал, что непосредственно действовать ему приходится в стране, где преобладает крестьянство и где поэтому пролетариат может победить только при правильном отношении рабочего класса к крестьянству. Выдвинув перед революцией 1905 года великий лозунг «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», Ленин не только ни на секунду не переставал быть *пролетарским* революционером, не только не делал усту-

пок буржуазной демократии (меньшевики и тов. Троцкий в том числе, как известно, в это время обвиняли тов. Ленина в том, что, назвав себя марксистом, Ленин на деле является будто бы идеологом буржуазной демократии), но был единственным, кто не на словах, а на деле прокладывает уже тогда дорогу *социалистической* революции в обстановке, когда буржуазная демократия была еще силой, способной расшатывать царское самодержавие. Ленин уже тогда чувствовал себя признанным вождем *пролетарской* революции и действительно был им. Он знал и верил, что большевистская партия, т. е. подлинный авангард пролетариата, поможет рабочему классу прорваться как можно дальше по пути к осуществлению *своих* классовых целей, т. е. по пути к победе *пролетарской* революции. Он знал, что при каждой ситуации он и его партия сделают все, что только возможно, для того, чтобы взять от этой ситуации как можно больше для *конечной цели* пролетарского движения. Он понимал соотношение между буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революциями так, что «первая перерастает во вторую, вторая мимоходом решает вопросы первой, вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, *насколько* удастся второй перерасти первую»*.

И зная это, Ленин с гениальным мастерством маневрировал в трех революциях — все время во главе рабочего класса, все время конкретизируя свою тактику так, чтобы до дна использовать в интересах *своего* класса *любую* историческую ситуацию.

Ленин 10 января (1905 г.) — «не тот», каким он был 8 января, ибо 9 января произошло знаменитое выступление петербургских рабочих, ибо 9 января революционное движение рабочих поднялось на новую ступень. «Нашего полку прибыло», мой класс стал сильней, и, стало быть, размах партии соответственно тоже должен стать больше. Ленин 24 октября 1917 года — «не тот», каким он становится 26 октября 1917. «Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати» — так пишет Ленин за несколько дней до Октябрьского восстания (в статье «К пересмотру партийной программы»). «Мы не знаем, победим ли мы завтра или немного позже (я лично склонен думать, что завтра, — пишу это 6 октября

* Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 147.

1917 г., — и что можем опоздать со взятием власти, но и завтра все же есть завтра, а не сегодня)... Нет, дорогие товарищи, мы еще не победили»*. Поэтому тов. Ленин отстаивал тогда, между прочим, необходимость сохранения программы-минимум.

На завтра *после* победы Октябрьского восстания гениальный полководец рабочего класса «не тот» (или не совсем тот), каким он был еще за один день *до* этой победы. Мой класс стал сильнее, враги моего класса стали слабее, ресурсы рабочей революции увеличивались, — стало быть, больше нажим, смелей вперед! Таков подлинный Ленин. Как великая река катит свои волны и в строгом смысле слова через одну минуту не бывает вполне той же, какой она была минуту тому назад, в то же время *оставаясь* великой рекой, так и Ленин, оставаясь великим вождем пролетарской революции, велик, прежде всего, именно тем, что он видит *конкретную* дорогу пролетарской революции. Он знает, что это — не гладкая садовая дорожка, посыпанная гравием, по которой легко ходить. Он знает, что это — очень тяжелая и совсем не гладкая дорога, по которой надо повести не группочку интеллигентов, умеющую образовать вместе с Мартовым «нефракционную» фракцию, а — миллионы рабочих, за которыми, если мы хотим победить, непременно должны следовать в нашей стране десятки миллионов крестьян.

Формулы Ленина, его лозунги *живут*, они насквозь пропитаны «запахом» жизни, борьбы масс. Размах их растет вместе с ростом движения миллионов.

Это не абстрактная линия в безвоздушном пространстве, как у Троцкого, у которого эта абстрактная, мнимолевая, «перманентная» линия на практике сочетается с весьма неабстрактным союзом с меньшевиками.

От великого лозунга «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (1905–1917), через «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства» (1917), к фактической *диктатуре пролетариата*, осуществляемой на основе «*смычки* с крестьянством» — таков путь ленинизма.

От меньшевизма аксельродовского типа (1903–1905), через «перманентную» (1905–1907) разновидность меньшевизма, к пол-

* Ленин В. И. К пересмотру партийной программы // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 147.

ному отказу от революции и замене ее меньшевистской «свободой коалиции» (1909–1914), к половинчатой (блок с Чхеидзе и борьба против Циммервальдской левой) политике во время войны (1914–1917) — вот путь старого троцкизма.

Если взять *литературную* историю большевизма, то можно сказать, что в основном она исчерпывается (или по крайней мере характеризуется) следующими сочинениями тов. Ленина: от «Друзей народа» *плюс* «Развитие капитализма» — через «Что делать?» *плюс* «Две тактики» — к «Государству и революции» *плюс* «Ренегат Каутский» — вот главные литературные вехи ленинизма. Вдумаемся в то, *что означают* эти вехи. «Друзья народа» *плюс* «Развитие капитализма», это — гениальное проникновение в теорию марксизма *плюс* конкретнейшее, глубочайшее изучение экономики и социальной структуры той страны, где собирается начать действовать большевизм. «Что делать?» *плюс* «Две тактики», это — несравненная критика социал-демократического оппортунизма, непревзойденное по мастерству обоснование роли рабочей партии в революции *плюс* обоснование тактики пролетариата в *крестьянской стране* накануне буржуазно-демократической революции, которую надо стараться провести так, чтобы она как можно скорее начинала «перерастать» во вторую революцию — *революцию социалистическую*. «Государство и революция» *плюс* «Ренегат Каутский», это — перенесение ленинизма на *мировую арену*, это (вместе с книгой «Империализм как новейший этап капитализма») — глубочайший анализ новейшего империализма и обоснование тактики уже начинающейся *социалистической* революции, «перерастающей» первую, т. е. буржуазно-демократическую революцию.

Сравните все это с троцкизмом.

Если Ленин — классический тип пролетарского революционера, то Троцкий — «классический» тип *интеллигентского* революционера. (Мы сравниваем здесь, разумеется, не лиц, а представителей двух политических направлений.) Этот интеллигентский революционер имеет, разумеется, сильные черты, умеет *иногда* слиться с пролетарской массой (когда дело идет на большой подъем), но то, что составляет сердцевину его политической деятельности, есть именно интеллигентская революционность. Это — герой революции, написанной по Суханову — не даром этот «сладенький» интеллигент «лево»-меньшевистского толка в своей многотомной

«Истории» сорокаведерными бочками льет воду именно на мельницу троцкизма*.

Вот сжатая политическая биография троцкизма, принадлежащая авторитетному перу тов. Ленина.

«Он (Троцкий) был в 1903 году меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 году, вернулся к меньшевикам в 1905 году, щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 году опять отошел; в конце 1906 года защищал избирательное соглашение с *кадетами* (т. е. фактически опять был с меньшевиками), а весной 1907 года, на Лондонском съезде, говорил, что его различие от Розы Люксембург есть скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений. Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра — другой и поэтому объявляет себя стоящим выше обеих фракций». Так писал тов. Ленин в статье «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России»**.

Прибавим к этому еще пару характеристик, сделанных самим тов. Лениным.

«Величайший вред приносят рабочим те люди, которые (подобно ликвидаторам и Троцкому) обходят или искажают эту 20-летнюю историю идейной борьбы в рабочем движении». Так писал тов. Ленин в статье «Идейная борьба в рабочем движении» (см. газ. «Путь Правды», от 4-го мая 1914 года).

«Никогда еще ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда “пролезая в щель” тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой. В данный момент он находится в компании бундовцев и ликвидаторов. Ну, а эти господа с партией не церемонятся». Так писал тов. Ленин в статье, помещенной в журнале «Просвещение» №№ 4, 5, 6 за 1914 г.

«Каковы бы ни были субъективно “благие” намерения Троцкого и Мартова, объективно они своей уклончивостью поддерживают

* Отзыв В. И. [Ленина] об «Истории» Суханова крайне важен и должен получить немалое значение при оценке нынешних наших споров с тов. Троцким, который в целом ряде вопросов просто-напросто повторяет Суханова, пишет историю «по Суханову».

** Ленин В. И. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России // Полн. собр. соч. Т. 19. С. 375.

русский социал-империализм». Так писал тов. Ленин в сборнике «Социал-демократ», № 1, в октябре 1916 года.

Если прибавить к этому, что в течение всей империалистской войны (1914–1917 гг.) тов. Ленин систематически относил тов. Троцкого к числу каутскианцев (см., например, брошюру Ленина и Зиновьева «Социализм и война»); если припомнить, что уже на апрельской конференции 1917 года, как и в письмах о тактике, писанных в апреле 1917 года, тов. Ленин и после февральской революции решительно выступает против основных идей троцкизма, — то мы получим сжатое представление о том, как оценивал троцкизм до самого 1917 года тов. Ленин.

Мы говорили выше о *литературных веках*, определяющих путь развития большевизма. Сопоставьте с ними литературные вехи, определяющие путь развития троцкизма. Это будут следующие книги т. Троцкого: «Наши политические задачи» (1904 г.), «Наша революция» (1905–1906 год) (кстати сказать, среди германской социал-демократии, тогда уже достаточно прогнившей, работы тов. Троцкого имели очень большой успех), затем сотрудничество в ликвидаторском журнале «Наша заря», затем светлый промежуток — книга о Каутском (1919 г.), затем «Новый курс» и «Уроки Октября» (1923–1924 гг.). Попятная эволюция тов. Троцкого в этих двух последних работах — как на ладони.

Что такое была книжка «Наши политические задачи»? Эта книжка, вышедшая с посвящением меньшевистскому патриарху П. Б. Аксельроду, была самой вульгарной меньшевистской книжонкой, какую только знает история меньшевистской литературы. Танцую якобы от «классовой» печки (мы знаем, что у меньшевиков была система: подготавливая на деле политический союз с либеральной буржуазией, меньшевики любили обвинять большевиков в недостаточной выдержанности классовой точки зрения), тов. Троцкий в этой книжке приходил к выводам *либеральной* рабочей политики.

А что такое была «Наша революция», самая «левая» из книг троцкизма первой эпохи? В этой книге (см. также «1905 г.»), нашла себе обоснование пресловутая теория перманентной революции, которую теперь тов. Троцкий хочет навязать большевизму. Эту «теорию» тов. Ленин и все большевики вместе с ним всегда рассматривали как *разновидность меньшевизма*. Совершенно непонятно, почему через 15 лет разновидность меньшевизма должна

быть объявлена составной частью ленинизма или даже подлинным ленинизмом, или теорией, исправляющей «ошибки» ленинизма. Не все помнят, что в этой «левой» книге, в которой т. Троцкий якобы защищал «рабочую» революцию против большевистской идеи «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», Троцкий писал:

... «Но как далеко может зайти социалистическая политика рабочего класса в хозяйственных условиях России? Можно одно сказать с уверенностью: она натолкнется на политические препятствия гораздо раньше, чем упрется в техническую отсталость страны. *Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержать свою власть и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру* (курсив Троцкого). В этом нельзя сомневаться ни на минуту»*.

Что значит «государственная поддержка европейского пролетариата»? Чтобы иметь возможность оказать «государственную поддержку» русской революции, европейскому пролетариату надо было сначала... *завоевать власть в Европе*. Но ведь об этом, конечно, не могло быть и речи в 1905 г. и вообще до войны 1914–18 гг. А Троцкий «перманентную» революцию проповедовал именно в 1905 г.

Что же из этого вытекает? Да то, что Троцкий либо серьезно сам не верил ни в какую перманентную революцию в 1906 г. и говорил все это для красоты слога, либо что он проповедовал в 1906 году «перманентную» революцию лишь с «условием», чтобы европейский пролетариат оказал нам «государственную поддержку», т. е. Троцкий «откладывал» рабочую революцию в России до победы пролетарской революции в Европе. В этом последнем случае Троцкий выступает представителем самой шаблонной социал-демократической точки зрения: сначала пусть революцию сделают «они», а потом уж «мы» сделаем «сразу» рабочую революцию. Фактический блок Троцкого с меньшевиками в это именно время (вспомним слова Ленина: «вернулся к меньшевикам в 1905 г.») подтверждает именно вторую альтернативу.

Троцкий в те времена много писал о том, что победоносная русская революция возможна только как часть победоносной

* Троцкий Л. Д. Наша революция. СПб., 1906. С. 77–78.

международной революции, ибо западноевропейский капитал поддерживает-де царизм займами и т. п. Зерно истины здесь было, поскольку Троцкий повторял лишь то, что говорили большевики. Но Троцкий, по обыкновению, слишком механично понял эту связь русской революции с международной, слишком схематизировал эту связь, слишком абстрактно ставил вопрос. И это именно приводило его к словесно-«левой», но совершенно абстрактной линии в безвоздушном пространстве, сочетаемой на деле с поддержкой меньшевиков.

О «государственной поддержке» со стороны европейского пролетариата в 1905 г. не могло быть и речи. Этой государственной поддержки у нас нет еще, к сожалению, и в 1924 г. На 8-й год пролетарской диктатуры в нашей стране мы получаем еще из Англии, напр., не «государственную поддержку» со стороны английского пролетариата, а... ноту Болдуина и Чемберлена. «Левая» на словах теория тов. Троцкого так легко мирилась с поддержкой *на практике* в течение 15 лет самого махрового меньшевизма именно потому, что эта теория была «левой» лишь на словах. Ларчик открывается очень просто.

Конкретного пути революции в нашей стране тов. Троцкий не понимал. Действительного значения крестьянства в нашей революции он не понимает и теперь. Если нужны были еще доказательства, то тов. Троцкий дал их именно в своей последней работе «Уроки Октября». Мы просим читателей вдуматься в следующую выдержку из «Уроков Октября».

«Именно незрелость революции при совершенно своеобразных условиях, созданных войной, вручала мелкобуржуазным революционерам руководство или, по крайней мере, видимость руководства, состоявшего в том, что они защищали исторические права буржуазии на власть. *Но это вовсе не значит, что русская революция могла идти только тем путем, каким она пошла с февраля по октябрь 1917 года. Этот последний путь вытекал не только из классовых отношений, но и из тех временных условий, какие создала война* (курсив наш). Благодаря войне, крестьянство оказалось организовано и вооружено в виде многомиллионной армии. Прежде чем пролетариат успел организовать под своим знаменем, чтобы повести за собою массы деревни, мелкобуржуазные революционеры нашли естественную опору в возмущенной войной крестьянской армии. Весом этой

многомиллионной армии, от которой ведь все непосредственно зависело, мелкобуржуазные революционеры давили на пролетариат и вели его первое время за собой. Что ход революции мог бы быть и другим на тех же классовых основах, об этом лучше всего свидетельствуют события, предшествовавшие войне»*.

Разве это не «перл», — как любил говаривать В. И.? У тов. Ленина, когда он говорит о коренном вопросе революции, о взаимоотношении пролетариата и крестьянства, всегда целые страницы просятся в хрестоматию ленинизма. У Троцкого — совсем «наоборот». Вдумайтесь в эти слова Троцкого. Разве не просится эта страничка троцкистской прозы в хрестоматию как образец того, что *не есть* большевизм?

Путь от февраля по октябрь 1917 г. вытекал, видите ли, «не только из классовых отношений, но и из тех временных (!) условий, какие создала война». Что сей сон значит? Выходит, что война не вытекала из классовых отношений! Выходит, что война, видите ли, была вообще нечто наносное! Этакий «случайно случившийся случай». Ну, а русско-японская война, из которой вырос 1905 год — генеральная репетиция 1917 г., — не была ли и она случайной, не создала ли и она «временных условий»? Какова глубина мысли! *Если бы* не было империалистской войны, — а ленинизм ведь учит, что империалистская война родилась с неизбежностью из всей обстановки империализма «как новейшего этапа капитализма» (Ленин), т. е. стало быть, и хода классовой борьбы; *если бы* Россия не была крестьянской страной, а стало быть, и ее десятиmillionная армия не была бы крестьянской армией; *если бы* эта крестьянская армия не была возмущена империалистской войной, которую буржуазия не могла не повести; *если бы* удельный вес стомиллионного крестьянства не давил на весь ход общественно-политической жизни страны, — то... то тогда развитие революции пошло бы по Троцкому, и изумленное человечество увидело бы апофеоз троцкизма!

Вся эта философия может быть коротко, но вразумительно выражена известной русской поговоркой: «*ежели бы да кабы*»...

Ежели бы Россия не была крестьянской страной, *да кабы* русский царизм не был составной частью европейского империализма; *ежели бы* для войны не нужно было армий, *да кабы* эти армии

* Троцкий Л. Д. 1917 г. С. XVIII–XIX.

не возмущались империалистской войной; *ежели бы* русский рабочий класс действовал в какой-то другой России, а не в стране с преобладанием крестьянского населения, тогда... тогда троцкизм оказался бы прав против ленинизма.

Нашему автору, по-видимому, и невдомек, что «ежели бы да кабы» не было империалистской войны со всеми неизбежно вытекшими из нее последствиями, то, может быть, не было бы и революции 1917 г. и не было бы такой сравнительно легкой победы ее в начале. Нашему автору, по-видимому, и невдомек, что именно развитие революции от февраля до октября 1917 г. «мимоходом» подтвердило ту и без того уже азбучную истину, что весь троцкизм с его теорией «перманентной революции» был не чем иным, как надуманной интеллигентской схемой, которая на деле шла на потребу меньшевизму. Послушаем еще раз тов. Ленина:

«Отсюда их (меньшевиков) чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая “Общ. движение”), что... «диктатура пролетариата и крестьянства» (классическая постановка) *противоречит* «всему ходу хозяйственного развития»... У нас при всяком кризисе *нашей* эпохи (1905–1909) *выступит*, обязательно выступит, «обще-демократическое» движение «мужичка», и игнорирование этого было бы коренной ошибкой, *на деле* приводящей к меньшевизму». Так писал тов. Ленин в декабре 1909 года*.

А тов. Троцкий не понимает даже в 1924 году, что роль «мужичка» в таком «кризисе», как 1917 год, была *не* случайной, *не* стоящей в стороне от хода классовой борьбы.

Нашему автору, по-видимому, и невдомек, что ход великой революции между февралем и октябрем 1917 года блестяще подтвердил именно ленинизм, между прочим и в той части, где Ленин со свойственной ему теоретической беспощадностью расправлялся и с троцкистской разновидностью меньшевизма.

Сотрудник тов. Троцкого и «редактор» его тома «1917», тов. Ленцпер, делая самое серьезное лицо, утверждает, что уже в статьях, написанных тов. Троцким в начале марта 1917 года в Америке (где застала февральская революция тов. Троцкого), в газете «Новый мир», «предвосхищена» постановка вопроса

* Ленин В. И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову // Полн. собр. соч. Т. 47. С. 228–232.

тов. Лениным в его знаменитых «Письмах издалека». На самом деле, эти статейки (кстати сказать, написанные тов. Троцким тогда, когда еще не обсохли чернила на его статьях против Циммервальдской левой) были зауряд-статьеками агитационного порядка.

«Эй, вы, там, потише! Спрячьте лучше ваши наемные рожи в той черносотенной подворотне, куда никогда не достигал и не достигнет луч революции!»* Эта выдержка из упомянутых статей дает довольно хорошее представление обо всех этих статьях, якобы «предвосхитивших» Ленина. Тов. Троцкий даже не знал еще, *где начинается вопрос*, в то время когда тов. Ленин в своих действительно знаменитых «Письмах издалека» уже предложил российскому рабочему классу додуманную почти до деталей схему подлинного Октября. Но это было бы еще с полбеды. От тов. Троцкого никто и не ожидал того, чтобы он опроверг известную французскую поговорку, согласно которой самая красивая девушка не может дать больше того, что она имеет. Настоящая беда заключается в том, что и в 1924 году, ополчаясь против ленинизма, тов. Троцкий не мог сказать ничего умнее, чем то, что «ежели бы да кабы» не было бы империалистской войны и не было бы преобладания крестьянства в нашей стране, то троцкизм был бы прав против ленинизма.

Нужны ли еще другие доказательства того, что т. Троцкий как не понимал, так и не понимает большевистской постановки вопроса о крестьянстве?

Гнилой орех не станет лучше, если его слегка покрыть позолотой. Троцкизм довоенного времени, представляющий собою разновидность меньшевизма, не станет лучше от того, что его попробуют поднести с позолотой «ленинизма».

«Уроки Октября» с полной наглядностью доказали, увы, только одно: что и сейчас, на восьмом году пролетарской революции, тов. Троцкий подлинную суть ленинизма не понял и больше всего путает «на эфтом самом месте» — в вопросе о крестьянстве — в том вопросе, который является главнейшим источником злоключений тов. Троцкого, начиная с его брестской ошибки, продолжая ошибкой в вопросе о профсоюзах в 1921 г. и кончая его ошибками новейшего времени.

В «Уроках Октября» почти столько же ошибочных утверждений, сколько утверждений вообще. Легче перечислить те ис-

* Троцкий Л. Д. 1917 г. С. 21.

ключительные случаи, когда Троцкий представил фактическую сторону событий за февраль-октябрь более или менее правильно, чем те случаи, когда он... уклонился от истины. Более слабого, менее «подкованного» произведения мы у тов. Троцкого не знаем за последние годы. Он совершенно не потрудился свести концы с концами. Он настолько торопился поднести партии свой сюрприз, он настолько был проникнут страстным желанием наговорить побольше... любезностей Центральному комитету партии, что выполнил свою «работу» с небрежностью, которая при любви тов. Троцкого к «плановому» подходу является прямо-таки удивительной. Отсюда то, что наши комсомольцы без труда ловят т. Троцкого на том, что он смешал Ленина с Гильфердингом (вопрос об Учредительном собрании и о так называемом «комбинированном типе» Учредительного собрания и Советов)*. Отсюда то, что тов. Сокольников уличает тов. Троцкого в том, что «левые» ошибки тов. Богдатыева наш почтенный автор «Уроков Октября» приписывает... тов. Ленину (история с апрельской 1917 г. демонстрацией). Отсюда то, что тов. Куусинен с документами в руках легко доказывает, что еще в январе 1924 года т. Троцкий по вопросу о германской революции** говорил прямо противоположно тому, что он говорит теперь в «Уроках Октября». Отсюда то, что такие важные эпизоды революции, как вопрос об июньской демонстрации, о борьбе вокруг Кронштадта и даже об июльских

* *Троцкий Л. Д.* 1917 г. С. 133. Кстати, из второй части «1917» мы узнаем, что еще 29 ноября 1917 года сам тов. Троцкий по поручению Совета народных комиссаров писал в одном из воззваний: «Спасти страну может только Учредительное собрание, состоящее из представителей трудовых и эксплуатируемых классов народа». Позволительно спросить, чем это лучше, чем «комбинированный тип»?

** Одного примера здесь хватит: «Мы наблюдали там (в Германии) во второй половине прошлого года классическую демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения» — так писал тов. Троцкий в сентябре 1924 г. в «Уроках Октября».

«Если бы партия (Герм. К. П.) объявила восстание в октябре (прошлого года), как это предлагали берлинские товарищи, она лежала бы сейчас со свернутой шеей» — эти слова читаем мы в проекте тезисов тт. Радека и Троцкого в январе 1924 г.

Нельзя же иметь два мнения по такому вопросу — одно в январе 1924 г., а другое в сентябре 1924 г. А имея два мнения по такому вопросу, нельзя так нападать на ИККИ, как делает это Троцкий.

днях, тов. Троцкий освещает по Суханову и даже по газете «День», а не так, как эти события разыгрывались в действительности. Отсюда то, что вопрос о тактике большевиков по отношению к Предпарламенту и демократическому совещанию освещен столь же неправильно и столь же тенденциозно. Эти «маленькие» ошибки уже подвергаются освещению со стороны достаточно авторитетных свидетелей событий. Быть может, и нам в другом месте удастся еще вернуться к подобному освещению некоторых из этих весьма крупных эпизодов революции и осветить их, между прочим, на основании многочисленных разговоров с Владимиром Ильичем иногда в течение целых дней и ночей (например, три недели в шалаше и т. д.). Пока же перейдем к другим вопросам, которые нуждаются в немедленном разъяснении.

3

Было ли в большевистской партии правое крыло

На этот вопрос необходим совершенно ясный ответ. Всякий, знающий подлинную историю большевизма, не колеблясь ответит на этот вопрос: *не было и быть не могло*.

Почему быть не могло?

Каждый, кто знает историю большевизма не понаслышке, кто не всуе повторяет слово ленинизм, не затруднится ответить на этот вопрос.

Не могло быть — потому, что самый основной принцип построения большевистской партии по Ленину исключает возможность правого и левого крыла.

Не могло быть — ибо ленинизм — это и есть *партия-монолит*, партия, вылитая из одного куска.

Не могло быть — потому, что первый раскол большевиков с меньшевиками начался уже с 1903 года, на заре первой революции 1905 года.

Тов. Ленин писал по поводу итальянской социал-партии, что даже ее первый раскол за несколько лет до мировой войны с наиболее яростными шовинистами — раскол далеко не полный, не радикальный, поверхностный — что даже этот раскол помог итальянской социалистической партии в первую полосу империалистской войны 1914 года занять более приличную позицию, чем позиция тех с.-д. партий, которые оставались «объединенными»

вплоть до 1917 г. и позже. Каждый, кто читал статьи тов. Ленина о германской социал-демократии, писанные в 1914–15 гг. (см. сборн. «Против течения»), помнит, как страстно призывал раскол германской социал-демократии тов. Ленин, какие большие надежды возлагал он на этот раскол, как тов. Ленин объяснял полный крах германской социал-демократии, между прочим, запоздалостью раскола между левыми и правым крылом в этой партии и т. д.

«Типом социалистических партий эпохи II Интернационала была партия, которая терпела в своей среде оппортунизм, все более накапливаемый десятилетиями «мирного» периода, но державшийся тайком, приспособившийся к революционным рабочим, перенявший у них марксистскую терминологию, уклонявшийся от всякой ясной принципиальной размежевки. Этот тип пережил себя.

«В Италии партия была исключением для эпохи II Интернационала: оппортунисты с Виссолати во главе были удалены из партии. Результаты во время кризиса оказались превосходными. <...> Мы вовсе не идеализируем итальянской социалистической партии, вовсе не ручаемся за то, что она окажется вполне прочной в случае вмешательства Италии в войну. Мы не говорим о будущем этой партии, мы говорим сейчас только о настоящем. Мы констатируем бесспорный *факт*, что рабочие большинства европейских стран оказались обманутыми фиктивным единством оппортунистов и революционеров и что Италия есть счастливое исключение — страна, где в данное время такого обмана нет. То, что было счастливым исключением для II Интернационала, должно стать и станет правилом для III-го. Пролетариат всегда будет находиться, — пока держится капитализм, — по соседству с мелкой буржуазией. Неумно отказываться иногда от временных союзов с ней, но единство с ней, единство с оппортунистами могут теперь защищать только враги пролетариата или одураченные рутинеры пережитой эпохи»*.

Кто вдумается в эти слова, тот поймет, почему в партии, созданной тов. Лениным, в борьбе против меньшевиков и Троцкого, *не могло* быть правого крыла.

* Ленин В. И. Что же дальше? (О задачах рабочих партий по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 115.

«Наша российская партия давно порвала организационно с оппортунистическими группами и элементами. Гирь оппортунизма... не было на ногах у нашей партии. И это обстоятельство помогло ей исполнить революционный долг — как помог и итальянским товарищам раскол» — так писал В. И. в брошюре «Социализм и война» (глава 2).

«Англичане из “независимой рабочей партии”, конечно, горой будут стоять за такую амнистию социал-шовинизму, прикрытую рядом поклонов влево. Разумеется, “окистам” (сторонникам меньшевистск. организ. комитета) и Троцкому сам бог велел уцепиться теперь за фалды Каутского и Бернштейна», — писал тов. Ленин в статье «О положении дел в Рос. соц.-дем.»*.

Понять надо все это тов. Троцкому, и тогда он поймет, почему нельзя говорить о правом крыле *большевистской* партии, созданной тов. Лениным в «бешеной» борьбе против всех *небольшевистских* фракций, групп, группочек, оттенков.

Большевизм развивался не по-германски и даже не по-итальянски. Вся сила ленинизма в том и заключалась, что борьбу с правым крылом социал-демократии — большевизм, под руководством тов. Ленина, начал уже 20 лет тому назад и что борьба эта *была доведена до самого конца*.

Кто хоть что-нибудь понимает в теории, тактике и организационных принципах ленинизма, тот *не может* утверждать, что в большевистской партии было правое крыло. Правое крыло *большевизма*, это — просто бессмыслица. Это все равно, что сказать «деревянная сталь», «горячий снег» и т. п. Большевизм в самой своей основе тем и отличается от меньшевизма, что не может допускать и не допускал организации партии как блока всевозможных течений — правого, левого, центра и т. п.

То, что т. Ленин писал, например, относительно полосы эмигрантского существования партии, а именно: необычайное богатство политических оттенков в эмиграции — меньшевики, эс-эры, анархисты, максималисты с рядом подразделений внутри каждого из этих течений — именно и приводило к тому, что все *небольшевистское*, как пластырем, оттягивалось от большевистской партии. То же было и в период легального и полулегального

* Ленин В. И. О положении дел в российской социал-демократии // Там же. С. 296.

существования партии, в частности между февралем и октябрём 1917 г. Тогда на легальной арене мы видели то же самое богатство и разнообразие политических партий, фракций, подфракций, течений и т. д. В эти партии, фракции и подфракции неизбежно уходило все то, что было не вполне большевистским (живые примеры — такие крупные работники большевизма 1905 года, как И. И. Гольденберг, Авиллов, Войтинский), а большевистская партия, таким образом, становилась кристаллизационным центром *только* для большевиков. Поэтому наша партия и была вылита из одного куска.

Нужно совершенно не знать ни Ленина, ни ленинизма для того, чтобы допустить, что Ленин мог бы насколько-нибудь продолжительное время примириться с существованием правого крыла большевистской партии. А еще важнее то, что с представлением о правом крыле в большевистской партии не мирится самый ленинизм.

Могут возразить: но ведь были большевики-примиренцы, которые очень похожи были на правое крыло большевизма.

Да, были. Примиренцы-большевики сыграли эпизодическую роль уже в самом начале раскола большевиков с меньшевиками (1903–1904), а затем и в годы контрреволюции (1910–1911). Но в том-то и дело, что в моменты этих колебаний большевиков-примиренцев дело доходило уже, в сущности, до прямого раскола с ними. Большевистская партия, под руководством тов. Ленина, готова была отрезать этот ломоть и частично отрезала его — именно для того, чтобы остаться большевистской, т. е., между прочим, однородной партией.

Чтобы понять историю даже этой небольшой группы большевиков-примиренцев, надо вздуматься в следующие факты. Громадное большинство (почти все) большевиков-примиренцев теперь находятся в наших рядах, и никто не вздумает утверждать, что они представляют собою хотя бы нечто вроде правого течения в партии. Наиболее выдающимся вождем примиренческого течения был в свое время покойный И. Ф. Дубровинский (Иннокентий)¹. Но из ста товарищей, знавших его, сто же и скажут, что доживи Иннокентий до наших дней (он погиб в ссылке в 1912 году), он, разумеется, не был бы и не мог бы быть представителем какого-нибудь правого крыла. Дело в значительной степени объяснялось каторжными условиями тогдашнего существования партии.

Из тюрьмы в тюрьму, из ссылки в ссылку шли такие люди, как Дубровинский, Ногин (тоже одно время примиренец), и между одной тюрьмой и другой иногда допускали эпизодические ошибки в организационных вопросах. Конечно, при логическом развитии этой ошибки товарищи эти могли бы стать жертвой оппортунизма. Но этого не случилось и случиться не могло. А поскольку эпизодически к этому подходило дело, тов. Ленин тут же ставил вопрос ребром, и дело не могло кончиться ничем другим, кроме как либо *исключением* из большевистских рядов, либо подлинным подчинением большевистскому центру.

Это вовсе не значит, что в многолетней истории большевизма, полной глубочайшего содержания, никогда не было разногласий и оттенков между наиболее крупными работниками большевистской партии. Ожидать этого было бы просто смешно. Такие разногласия были. Было, например, то, что в 1906 году тов. Каменев защищал бойкот Государственной думы («левая» оппозиция), между тем как тов. Ленин стоял за участие. Было то, что на пленуме ЦК 1910 года (последний пленум совместно с меньшевиками) часть большевиков решила сделать опыт объединения с Троцким, между тем как тов. Ленин и другие члены большевистского центра (в том числе и пишущий эти строки) были решительно против этого опыта. Но это были именно эпизодические разногласия.

Эпизодическими нельзя назвать также разногласия, наметившиеся с впередовцами в 1908 г. и затянувшиеся на несколько лет. Эти мнимо-«левые» на самом деле защищали оппортунистическую тактику, т. е. отказывались от основ большевизма. И именно поэтому здесь дело не могло обойтись без раскола. Впередовская группа была исключена из большевистской организации, и в нашу партию из числа впередовцев вернулись только те, кто радикально излечился от впередовства.

Эпизодическими нельзя назвать также те разногласия в связи с войной, которые коснулись, правда, только отдельных выдающихся большевиков в начале империалистской войны. Большевизм в целом, как известно, занял совершенно правильную позицию против империалистской войны и усвоил всемирно-исторической важности лозунг «превращения империалистской войны в войну гражданскую». Но отдельные крупные работники большевизма (например, покойный И. П. Гольденберг²) поколебались в вопросе о характере войны, и *немедленно же дело дошло*

до организационного разрыва с этими товарищами. И. П. Гольденберг смог вернуться в партию только уже в 1920–21 году, когда он радикально осознал свою ошибку.

Чем объяснялись некоторые ошибки в первые дни февральской революции? Генеральный штаб большевиков съезжался с разных концов света после нескольких лет империалистической войны и белого террора, разорвавших связи даже между самыми близкими друзьями, центральными работниками большевизма. Одни возвращались в Петроград из далекой эмиграции, другие — из каторжных тюрем, третьи — из самых заброшенных уголков сибирской ссылки. На голову всех обрушились события громадной, всемирно-исторической важности. Многое вначале шло не так, как ожидалось. Большевики в первые дни революции оказались незначительным меньшинством даже среди рабочих Петрограда. Те настроения многомиллионной солдатской массы, которые В. И. впоследствии назвал «добросовестным оборончеством», создали громадные тактические трудности: как подойти к этим массам, как заставить их даже только выслушать первые речи большевиков? Все это вместе взятое и создало те трудности, которые привели к ошибкам «Правды» в первые дни после февральской революции до приезда тов. Ленина.

Но можно ли отсюда умозаключать о наличии в большевистской партии правого крыла, которое тов. Троцкий, — как раз не кто иной, как именно Троцкий, — пытается характеризовать как «социал-демократическое» «полуменьшевистское» крыло? Так может поступить только тот, кто не знал и не знает большевистской партии, кто судит «со стороны», для кого история этой партии есть только история той партии, к которой данное лицо 15 лет шло с «боями», той партии, которой даешь очередной «бой» и в 1924 г.

Серьезные разногласия были среди большевиков между апрелем и сентябрем 1917 года. Из этих разногласий *могли бы* вырасти группировки — если бы ошибавшиеся товарищи настаивали на своих ошибках, *если бы* сами события быстро не разрешали этих ошибок, *если бы* партия единодушно не отвергла этих ошибок, *если бы* у партии не было Ленина и т. д. Тогда наступил бы раскол или откол, но никак не узаконение правого крыла. Но в том-то и дело, что все эти «если» в действительности не осуществились и осуществиться не могли.

Острые разногласия были среди большевиков между октябрем и ноябрем 1917 г. В этот промежуток времени (и *только* в этот) среди ошибающихся был и пишущий эти строки. *Если бы* ошибка не была признана немедленно, *если бы* партия единодушно ее не выправила, *если бы* опять-таки у партии не было тов. Ленина, разумеется, из такого хотя и кратковременного, но зато острого, разногласия могли бы вырасти серьезные последствия. Но в том то и дело, что все было наоборот.

Первый раскол с меньшевиками начался в 1903 году. Вполне самостоятельное организационное существование большевизм ведет, примерно, с 1910 г. Между 1903 и 1910 гг. лежит полоса недостаточной организационной оформленности большевизма как самостоятельной организации. Между 1903 и 1910 гг. еще могли быть кое-какие неясности в построении большевистской организации. *С 1910 по 1917 г. об этом не могло быть и речи.* Правого крыла в большевистской партии не было и быть не могло. Утверждать обратное — *значит* уже одним этим утверждением показывать полное непонимание основ большевизма.

4

Возможно ли образование правого крыла в РКП теперь?

Действительно актуальный вопрос — актуальный не только для нашей партии, но и для всего Коминтерна — заключается не в том, было ли у большевиков правое крыло в 1917 г., а в том, есть ли такое крыло в настоящий момент, есть ли тенденция к образованию такого правого крыла, возможно ли (и допустимо ли) образование такого правого крыла в РКП?

Ставя перед собою *этот* вопрос, мы отвечаем: да, такое крыло в РКП и Коминтерне теперь пытаются создать. Главной фигурой в этом деле является т. Троцкий. Действительная проблема, которой болеет теперь партия, заключается в том, *можем ли мы допустить до оформления такого крыла, и если нет, то как избежать этого?*

Откуда может теперь взяться правое крыло (или «крылышко»), правая фракция или правое течение, которое *хочет* создать тов. Троцкий? Было бы смешно и глупо объяснять это только личной виной того или другого товарища. Нет, для этого существуют, несомненно, и *объективные предпосылки.*

Каковы черты отличия между нынешним положением вещей в нашей партии и положением нашей партии до Октябрьской революции? Таких черт несколько.

Во-первых. С открытой арены политической жизни в нашей стране исчезли меньшевики, эс-эры, анархисты и т. п. группы. О прежнем богатстве разных политических партий, оттенков, течений нет и речи, — по крайней мере, поскольку речь идет об открытом соревновании перед широкими кругами рабочих и крестьян. Для успешного проведения диктатуры пролетариата победивший рабочий класс, возглавляемый нашей партией, не мог не лишить легальности эс-эров, меньшевиков, анархистов (антисоветского направления) и другие группировки, являвшиеся враждебными самой идее диктатуры пролетариата. На легальной арене действует только РКП. И иначе быть не может в нынешний период. При таком положении вещей неизбежно, что к нашей партии теперь примыкают (а иногда даже прямо входят в ее ряды) такие элементы, которые при наличии других легальных партий были бы *не* у нас. Это важнейшее обстоятельство само по себе ни в коем случае не может способствовать увеличению однородности нашей партии.

Во-вторых. Мы разбили идейно две главные партии, соперничавшие с нами в течение двух десятилетий: эс-эров и меньшевиков. Несколько десятков тысяч бывших членов этих партий перешли в наши ряды, в том числе тысячи и тысячи бывших эс-эров и меньшевиков, которые были в этих партиях активными членами. Достаточно назвать самого тов. Троцкого.

Нечего повторять, что значительная часть этих товарищей, вышедших из среды чужих нам партий, вполне ассимилированы теперь нашей партией, являются, хотят быть и будут хорошими большевиками. Но нельзя скрывать от себя и того, что ликвидация эс-эров и меньшевиков как легальных партий и факт перехода к нам десятков тысяч из бывших активнейших членов никоим образом не могут содействовать однородности нашей партии.

В-третьих. Страна наша переживает вообще переходный период. До октября 1917 года положение было во многих отношениях труднее, но зато яснее. Перед партией стояла непосредственная боевая задача: свержение буржуазии. Нынешнее положение во многих отношениях сложнее. Оно пестро. Обстановка нэп'а, буржуазное окружение в международном масштабе — все это

моменты, делающие положение чрезвычайно сложным. Никогда еще в истории борьбы рабочего класса всего мира рабочей партии не приходилось считаться с таким сложным переходным периодом.

В-четвертых. Социальный состав партии стал разнородным. Если к октябрю 1917 года мы были партией по составу почти исключительно рабочей, то после 1917 г. дело меняется. После всех перипетий, через которые прошла наша партия за эти 7 лет, мы имеем в своей среде и сейчас больше ста тысяч членов партии крестьян, несколько десятков тысяч членов партии в вузах (далеко не все рабочие), десятки тысяч членов партии из советских служащих и т. д.

Что означают все наши усилия регулировать социальный состав партии, что означают, в конце концов, наши чистки, новые выборы, в частности ленинский набор и т. п.? Все это есть *цель усилий отстоять максимальную однородность партии*, помешать разжижению ее социального состава, не допустить чрезмерной пестроты в самом социальном составе партии.

Все это, вместе взятое, и создает обстановку, при которой, действительно, *возможно* оформление правого крыла в большевистской партии, созданной Лениным.

А если к этому прибавить еще тот немаловажный фактор, что самого тов. Ленина у нас больше нет, то станет ясно, сколь ответственным становится положение.

Если очистить все наступления тов. Троцкого на большевистский ЦК от всего случайного, личного и наносного, если подойти к этим наступлениям с максимальной объективностью, то станет ясным, что смысл их заключается в следующем. Тов. Троцкий являлся все эти годы в нашей партии выразителем всего того, что не является строго большевистским. Тов. Троцкому как выразителю этих небольшевистских настроений *тесно* в пределах старой ленинской тактики. Он искренно убежден в том, что старые методы ленинизма не годятся теперь, когда партия работает на столь широкой арене. Партия, по его мнению, должна стать блоком, пусть неоформленным, различных направлений, фракций и оттенков.

Все мы знаем, что в партии, стоящей у власти и подавившей все остальные не-советские партии, *неизбежно* должны так или иначе отразиться те общественные процессы, которые развиваются или еще только намечаются во всей стране. Мы, ленинцы, делаем из этого тот вывод, что *тем более необходима максимальная*

однородность партии, максимальная твердость руководства, максимальная прививка ленинизма партии. Не в том дело, чтобы партия затыкала себе уши ватой и старалась не слышать того, что назревает в стране. Наоборот. Маневрировать, иногда уступать — необходимо. Но для этого-то и надо, чтобы партия всегда оставалась сама собой, т. е. *большевистской партией.* Ленинизм знает, что знает: маневрируя, отступая и наступая, применяясь к самой сложной обстановке, он всегда остается большевизмом, т. е. преследует интересы пролетариата в крестьянской стране.

Между тем тов. Троцкий из сложности нынешнего положения делает (или у него назревают) другие выводы. Ему кажется, что прежний «сектантский» (якобы — сектантский), твердокаменный, годившийся якобы только для «кружка» большевизм теперь ведет к «гибели страны». Ему кажется что теперь партия должна быть союзом различных течений и фракций, что она не должна непосредственно руководить государственным и хозяйственным аппаратом, что она должна дать больше простора буржуазным специалистам и т. д.

Будучи доведена до логического конца, эта идея тов. Троцкого — в нынешней международной и внутренней обстановке — ведет в лучшем случае к замене большевистской партии ленинизма некоей «широкой» «трудовой» партией *на манер английской макдональдовской Лебор-партии*³ в «советском издании» — такой «широкой» партии, в которой могли бы быть соединены все организации «трудящихся», в том числе и те, которые не могут быть названы большевистскими в непосредственном смысле слова. Очень может быть, что тов. Троцкий еще не додумал до конца свою идею, но логически он идет с неизбежностью именно к ней, если не остановится и не повернет назад к большевизму.

Партия, работающая в такой обстановке, как мы теперь, нуждается, разумеется, в ряде передаточных механизмов, ведущих ко всей рабочей массе, в том числе и к отсталым ее слоям. Она нуждается в ряде приводных ремней, обеспечивающих ей влияние в крестьянстве, среди служащих в интеллигенции и т. д. Система рычагов, обеспечивающих диктатуру пролетариата, сложна (Советы, профсоюзы и т. д.). Но отсюда вовсе не вытекает, что сама партия может стать блоком течений, фракций, своего рода «парламентом мнений», с правым крылом, левым крылом, центром и другими прелестями парламентаризма.

Не следует упрощать вопроса. Разумеется, большевистская партия 1924 года не может попросту скопировать большевистскую партию, скажем, 1914 года или даже 1917 года. Мы не можем и не должны теперь ограничиваться приемом в нашу партию только рабочих. Через ленинский призыв мы сделали все возможное для того, чтобы увеличить удельный вес промышленных рабочих в нашей партии. Мы задерживали в течение пары лет приток в партию крестьян. Но мы все же теперь вновь приходим к выводу, что необходимо вновь открыть дверь в партию значительному числу крестьян. Рабочая партия, управляющая государством в крестьянской стране, должна иметь определенный процент членов партии из крестьян. Все дело в том, что перед нами в СССР — не задачи рабочей партии «вообще», а задачи рабочей партии в *крестьянской стране*. Отсюда и сложность вопроса о социальном составе партии, раз эта партия управляет государством.

Итак, положение вовсе не так просто, трудности — велики. Регулирование состава нашей партии — дело сложное и трудное. Оно стоит в тесной связи с труднейшими и порой деликатнейшими политическими проблемами. Партии приходится маневрировать и в этом отношении, т. е. и в отношении своего собственного социального состава. Партия не может в нынешнюю эпоху быть *столь* однородной, какой она была до завоевания власти.

Но зато политика партии, а тем самым и руководство партии должны быть насквозь большевистскими по-прежнему, как этому учил Ленин. Рабочий класс осуществляет свою гегемонию в революции, а наша партия есть руководящий авангард этого класса-гегемона.

Правильно понятые интересы класса-гегемона требуют, разумеется, известных уступок крестьянству, приспособления всей политики к некоторым коренным интересам крестьянства. Но предел этих уступок, предел этого приспособления *определяет рабочий класс и его авангард*, исходя из коренных интересов революции и руководящего ею класса-гегемона — рабочего класса.

Отсюда вытекает вопрос о внутренней ориентации партии, о том, что называют «внутрипартийной политикой». Большевистская партия, действующая в обстановке 1924 года, *должна ориентироваться на основную группу своих членов: рабочих*. «Барометром» для политики пашой партии никак не может служить учащаяся молодежь или какие-либо другие слои нашей партии, кроме как рабочие.

Итак, можем ли мы допустить существование или образование правого крыла в нашей партии теперь?

Не можем!

Из этого обстоятельства, что мы *должны* допустить недостаточную односторонность социального состава нашей партии, что мы *должны* привлекать в члены партии известное количество не-рабочих, ни в коем случае не вытекает, что и самую политику партии мы можем разжижать и что руководящий штаб партии тоже должен быть неоднородным, что штаб партии должен быть блоком фракций и т. п. Наоборот, именно потому, что в нынешней обстановке партия не может быть столь однородной по составу, какой она была до завоевания власти, политика партии должна строже, чем когда бы то ни было, ориентироваться, прежде всего, на рабочую группу партии. И именно поэтому же руководящий штаб партии должен быть особенно выдержанным, особенно твердым, особенно ленинским. И именно поэтому не может быть и речи о том, чтобы наш штаб стал блоком фракций и течений.

Объективные условия, в которых приходится действовать нашей партии сейчас, таковы, что опасность создания правого крыла (или течения, или направления) в нашей партии *налицо*. Кто хочет остаться верным духу ленинизма, тот должен отдать свои силы на то, чтобы помочь партии противоборствовать этой тенденции. При умелом и правильном применении принципов ленинизма в данной конкретной обстановке нам *удастся* не допустить до образования правого крыла в нашей партии.

Те же, кто, как тов. Троцкий, не только не противоборствуют этой тенденции, а становятся ее выразителями, те, кто вступают на дорогу борьбы с ленинским Центральным комитетом, ясно видящим опасность и маневрирующим в сложной обстановке (как нас учил тов. Ленин), — те становятся врагами ленинизма.

Хотят ли они этого или нет — это все равно. Сознают ли они это ясно или нет — это тоже все равно. Факты остаются фактами.

Может быть, лучше всего будет пояснить нашу мысль еще конкретнее. Возьмемте примерно двух видных товарищей (скажем, тов. А и тов. В). Оба товарища — дисциплинированнейшие и прекраснейшие товарищи. Но тов. А пришел к большевизму в иное время и иными путями, чем тов. В. Тов. А вырос из крестьянского движения, разлившегося широкой волной в годы Гражданской войны после Октябрьского переворота. Тов. В вырос из рабочего

движения, примкнув к большевизму 20 лет тому назад. И тот и другой нужны, ценны нашей партии. Только в известном сочетании тех элементов, которые представлены тем и другим, залог полной победы революции. Но если бы, скажем, тов. А. стал оформлять внутри партии то, что зачастую отличает крестьянина-коммуниста (и беспартийного, примыкающего к коммунистам) от коммуниста-рабочего, если бы он стал требовать, чтобы политика партии ориентировалась не на рабочих, а на крестьян, или если бы он стал требовать, чтобы генеральный штаб партии превратился в блок различных групп, что сказала бы в этом случае наша партия тов. А?

Нечто подобное приведенному вымышленному примеру, но еще в гораздо худшем виде, делает теперь тов. Троцкий. Он именно становится выразителем всего того в партии, что не является большевистским. Он именно требует, чтобы партия равнялась по всему небольшевистскому (в подлинном смысле слова) в ней.

Может ли с этим мириться партия? Мудрено ли, что партия дает тов. Троцкому такой страстный отпор?

5

Куда ведет нынешняя эволюция тов. Троцкого?

Этот вопрос есть главный вопрос наших споров. Чтобы дать себе вполне ясный ответ на этот вопрос, мы попросим вдуматься в следующее обстоятельство.

У тов. Троцкого, как у яркой индивидуальности, конечно, есть немало такого, что характерно только лично для него. Сюда относится и то, как выразился на днях один рабочий, читавший «Уроки Октября», «яканье» (от слова «я»), которым полны писания тов. Троцкого за последнее время. Сюда относится и то, что тов. Троцкий иногда создает такую политическую платформу, на которой может стоять только один человек: сам тов. Троцкий, ибо на этой «платформе» буквально не остается места даже для единомышленников. *Постольку* приходится констатировать *индивидуальное* в позиции тов. Троцкого. Но было бы все же неверно видеть в позиции тов. Троцкого *только* индивидуальное. Он, несомненно, отражает и нечто более широкое из нашей обстановки.

Что же именно?

Обратили ли вы внимание, читатель, на следующее обстоятельство? Уже начиная с 1922 года, а тем более с 1923 года, происходит несомненный рост благосостояния страны, улучшение материального положения рабочих, улучшение настроения рабочих. И в это же самое время из всех выступлений тов. Троцкого мы видим, что как раз в эти же годы у него все больше и больше портится политическое настроение. Кривая политического настроения в широких массах рабочих нашей страны идет *вверх*, кривая политического настроения тов. Троцкого идет *вниз*. На этом фоне и углубляются разногласия между т. Троцким и партией, которая ведь является не чем иным, как головным отрядом рабочих масс.

Тов. Троцкий отдает все большую дань импрессионизму, все чаще начинает видеть вещи в исключительно черном свете, предвещает «гибель страны» (перед дискуссией прошлого года) накануне несомненного улучшения хозяйственного положения, попадает все чаще пальцем в небо, ставя неправильные диагнозы и предлагая еще более неправильные средства лечения, растеривает своих единомышленников и т. д. Вспомним, что при первом столкновении с тов. Лениным и ленинским ЦК во время спора о Брестском мире, тов. Троцкий имел на своей стороне очень значительную часть партии. Во время второго столкновения с тов. Лениным и ленинским ЦК в 1921 г. (дискуссия о профсоюзах) тов. Троцкий тоже имел еще на своей стороне около пятой части съезда. И это — при обаянии Владимира Ильича во всей партии! Во время прошлогодней дискуссии число единомышленников тов. Троцкого было уже значительно меньше, но все-таки были сотни людей, которые готовы были до конца отстаивать его платформу. А во время нынешнего наступления тов. Троцкого на ленинский ЦК охотников защищать платформу тов. Троцкого можно уже пересчитать чуть ли не по пальцам. Ведь это тоже не случайно.

Чем объясняется такое странное положение? Хозяйство идет вверх, настроение рабочих идет вверх, единство партии крепнет, а настроение одного из претендующих на руководство рабочим движением вождей (т. Троцкого) неизменно идет вниз. Уже одно это обстоятельство указывает на то, что в последние годы т. Троцкий, сам того, разумеется, не желая, не всегда служит выразителем настроений пролетарских масс, а иногда невольно выражает настроения каких-то других слоев населения.

Каких именно? Ответ на этот вопрос, разумеется, не так прост. Прослеживая извилистую линию складывающейся платформы тов. Троцкого, следя самым точным образом за его новейшей политической эволюцией в продолжение последних двух-трех лет, иной раз нетрудно наткнуться на кажущееся противоречие, и иному мало искушенному товарищу порой даже покажется, будто тов. Троцкий критикует наш ленинский ЦК не справа, а слева.

В самом деле, не тов. ли Троцкий, например, обвиняет ЦК и его представителей в Коминтерне в том, что они «прозевали» германскую революцию? Разве это не критика «слева»? А между тем, если вдуматься в позицию т. Троцкого именно по вопросам, связанным с тактикой Коминтерна, если вспомнить, что рядом с «левыми» фразами, которые пишет по этому поводу т. Троцкий, теперь стоит *факт* поддержки им правого крыла германской партии в течение всего 1923 года, *факт* поддержки, с другой стороны, позиции т. Троцкого правыми элементами во *всех* секциях Коминтерна во время прошлогодней дискуссии, — тогда вопрос предстанет пред нами совсем в новом свете. Если вспомнить, что уже в январе 1924 г. в проекте резолюций т. Троцкого, Радека и Пятакова говорилось о том, что если бы в октябре 1923 г. германская компартия пошла на восстание, то она теперь (в январе 1924 г.) представляла бы собой груды развалин, — то становится ясным, что тов. Троцкий здесь, как, впрочем и во всех других вопросах, трактуемых им в «Уроках Октября», совершенно не свел концов с концами.

Но именно это не всегда ясно поверхностному наблюдателю наших споров. Отсюда и то, что по недоразумению кое-кто принимает критику тов. Троцкого по адресу нашего ЦК как критику слева.

В деятельности тов. Троцкого, повторяем, много индивидуального, много капризного, много внешне ослепляющего. Его платформа не сложилась еще окончательно. Политическая позиция тов. Троцкого блещет еще всеми цветами радуги.

Можно было бы употребить такое сравнение. Возьмите большую дугу из электрических лампочек разных цветов. Выходит очень ярко. Пред нами все цвета радуги, пред нами много лампочек — красных, зеленых, синих, белых.

Но ведь цвет лампочек тут, в конце концов, дело второстепенное. За всем этим стоит одна определенная материя: электричество. Так и в теперешней позиции т. Троцкого. Внешним образом

она тоже блещет еще всеми цветами радуги. Задача заключается в том, чтобы понять, какова тут субстанция, что составляет основу. И вот мы утверждаем, что основа-то здесь состоит из некоей «минус-материи», из того, что является не-большевистским, что пока можно охарактеризовать лишь как не-ленинизм.

Откуда эта внешняя пестрота? Она объясняется тем, что начавшееся политическое влияние тов. Троцкого еще не закончено. Она объясняется в первую очередь тем, что попятная эволюция тов. Троцкого происходит в обстановке переходного периода. Очень много неясного в самом этом переходном периоде, очень много неясного во всей пестряди нэп'а. Тов. Троцкий совершает ведь сейчас не отход от большевизма «вообще», а отход от большевизма *в переходный период нэп'а*.

Однако через всю пестрядь, через все экспромты тов. Троцкого, через всю извилистую линию его капризного политического развития последних годов пробивает себе дорогу одна определенная тенденция.

Представим себе на одну минуту, как выглядели бы наша страна и наша партия, если бы партия паша, вместо того, чтобы оказать бешеное сопротивление рецептам тов. Троцкого, приняла важнейшие его предложения, начиная с 1921 года. Отбросим все второстепенное, возьмем только самое главное из предложений тов. Троцкого, начиная с 1921 г.

Если бы мы приняли предложения тов. Троцкого, это значило бы:

1. Профсоюзы были бы огосударствлены, произошло бы пресловутое «сращивание» профсоюзов с официальными государственными и хозяйственными органами. Другими словами, профсоюзы, являющиеся сейчас нашей самой широкой базой и объединяющие 6 миллионов рабочих и служащих, стали бы казенным придатком к официальной машине. Еще другими словами: своими собственными руками мы создали бы тогда *неустребимую* базу для меньшевизма, а стало быть, подложили бы своими руками фугас под диктатуру пролетариата.

2. Партия была бы отодвинута от непосредственного руководства хозяйственными и государственными органами. Советский аппарат (вспомните, что писал о нем тов. Ленин) получил бы большую самостоятельность. «Эмансипация Советов от партии» осталось бы не только на страницах писаний сменовеховцев,

но начала бы переходить в реальную жизнь — хотя бы частично. Что такая тенденция имела бы неисчислимы губительные последствия — вряд ли это нужно теперь доказывать большевику.

3. Спецы получили бы во много раз большее влияние во всех отраслях нашей работы — не только в военном деле, но и во всем остальном. Вряд ли нужно доказывать, что в этом заключается одна из важнейших черт политической платформы тов. Троцкого и один из важнейших пунктов его расхождений с нашей партией.

Пусть не переиначивают наши слова. Разумеется, привлечение честных специалистов и создание такой атмосферы, которая позволяла бы им действительно с пользой для дела работать, абсолютно необходимы. Разумеется, остается в силе то, что говорил по этому вопросу т. Ленин и что постановляла наша партия. Разумеется, не может быть и речи о каком-либо поощрении специфических «антисоветских» настроений. Но, если бы вопрос о спецах был разрешен не по Ленину, а по Троцкому, это означало бы на деле величайшую политическую уступку новой буржуазии.

4. В вопросах о внутривнутрипартийной жизни мы должны были бы признать, что «барометром» для партии являются не столько рабочие от станка, сколько вузовская молодежь, среди которой есть, разумеется, превосходные пролетарские элементы, но среди которой есть не малая доля таких, которые тысячами нитей социально связаны с мелкой буржуазией, а через нее и с нэп'ом и с новой буржуазией.

5. Денежной реформы у нас не было бы, ибо по Троцкому нужно было бы «сначала» восстановить промышленность, а потом уже приняться за денежную реформу. Нечего и говорить о том, что если бы мы приняли это «гениальное» предложение, удельный вес социалистических элементов хозяйства в нашей стране только падал бы, а тем самым крепла бы новая буржуазия.

6. В вопросе о крестьянстве, через который все время «перепрыгивает» тов. Троцкий, мы наделали бы величайших ошибок. Вместо зачатков смычки, мы имели бы теперь во всем ходу размычку. Отброшенное нашими политическими ошибками крестьянство искало бы себе другого политического руководителя и нашло бы его, разумеется, только в новой буржуазии.

Никто из вдумчивых товарищей не скажет, что приведенные шесть пунктов (а их можно умножить) нами выдуманы. Всякий серьезный большевик должен будет сказать, что именно из-за этого,

а не из-за прошлогоднего снега, не из-за ошибок, сделанных семь лет тому назад, и не из-за «личностей», как думают обыватели, идет борьба между ленинским ЦК и т. Троцким.

Как же, спрашиваем мы, выглядела бы наша страна, если бы мы в этих шести вопросах шли по дороге, на которую подталкивал нас тов. Троцкий, если бы мы с большевистской нетерпимостью не давали бы отпора этим ошибкам тов. Троцкого? Чем была бы тогда Россия? Она была бы тогда *нэповской* Россией — в том смысле и в тех размерах, как на это рассчитывали идеологи новой буржуазии. И шансы на превращение нэп'овской России в Россию социалистическую (как это завещал нам т. Ленин) были бы крайне малы и даже прямо ничтожны.

Если ко всему этому прибавить оппортунистические ошибки тов. Троцкого в вопросах международной политики (переоценка демократическо-пацифистской эры, переоценка чудодейственных замирительных свойств американского ультра-империализма, недооценка контрреволюционности социал-демократии, недооценка длительности фашизма), а также его поддержку всех правых полусоциал-демократических элементов в разных секциях Коминтерна, то станет ясно, куда тащит нашу партию т. Троцкий.

Во всех этих нагромождениях одной ошибки на другую у тов. Троцкого есть своя «система». В целом это называется правый уклон.

Новая буржуазия в нашей стране, это — именно *новая*, а не старая буржуазия. Она видала виды, она также кое-чему научилась на «уроках октября». Она видала массы в действии. Она видала неукротимую расправу большевиков с буржуазией в начале Октябрьской революции и уступку со стороны большевиков буржуазии в 1921 году, когда те же неукротимые большевики *вынуждены* были ввести нэп. Она знает теперь цену реальному соотношению сил, выражающемуся, между прочим, в международном буржуазном окружении первой советской страны. Она имеет свою новую интеллигенцию, воспитавшуюся в значительной части в наших же учебных заведениях. Она научилась вникать в борьбу тенденций внутри нашей собственной партии. Она научилась использовать советскую легальность. Это — уже не просто Колупаевы и Разуваевы. Это — буржуазия, прошедшая сквозь огонь величайшей революции. Это — буржуазия, умеющая думать о *своей* смычке с верхами крестьянства, с вождями международной буржуазии.

Это, одним словом, буржуазия с более изощренным классовым чутьем, более гибкая, более умудренная революционным опытом, больше понимающая значение рабочей партии, нюансы внутри этой рабочей партии и т. д. Это — буржуазия, которую горе научило ценить доступ к умам народных масс. Нечего скрывать от себя, социальный состав нашего государственного аппарата таков, что значительную часть персонала этого аппарата приходится отнести к агентуре новой буржуазии. Это же приходится сказать и относительно известной части нового студенчества и новой интеллигенции вообще.

Отстаивать перед большевистской партией в 1921–1924 годах в переходный период: 1) огосударствление профсоюзов, 2) большую «свободу» для государственного аппарата от контроля партии, 3) большее влияние для спецов, 4) ориентацию политики партии на вузовский барометр, 5) советовать откладывать денежную реформу и кричать о гибели страны, 6) поднимать полуменьшевистскую кампанию против парт-аппаратчиков и за «демократию» в том истолковании, какое и давал ей тов. Троцкий в прошлом году, — это и значит, самому того не желая, объективно помогать новой буржуазии.

Тов. Троцкий хочет попасть в одну дверь, а попадает в другую. Он хочет бороться против чрезмерного «сектантства» старых большевиков, против того, что кажется ему «кружковой узостью», а на деле он борется против основ большевизма. На деле он, сам того, разумеется, не желая, оказывает незаменимую услугу классовому врагу.

Положа руку на сердце, мы спрашиваем бывших и настоящих сторонников тов. Троцкого: разве они не знают, что каждое выступление тов. Троцкого против большевистского ЦК, начиная с 1921 года, является все большей и большей радостью для всего небольшевистского лагеря, и чем дальше — тем больше? Случайно ли это?

Пусть не толкуют нас превратно. Еще Маркс сказал, что можно быть фактическим выразителем настроений мелкой буржуазии, отнюдь не будучи самому мелким лавочником. Разумеется, и у тов. Троцкого самые лучшие желания. Но добрыми желаниями вымощен ад. Нужно, чтобы Троцкий раз и навсегда отказался «спасать» нашу партию от мнимых ошибок, а понял и признал свои собственные политические ошибки, в значительной мере

проистекающие из остатков его политической идеологии времен 1903–1917 гг., когда тов. Троцкий выступал открытым противником большевизма. Нужно перестать устраивать очередные «кризисы» партии по «календарной программе» через каждый год, а в последнее время через каждые полгода. Нужно понять, что наскоком, нахрапом подмять ленинизм под троцкизм никому не удастся. Нужно понять, одним словом, что *большевизм есть большевизм*.

6

Что же делать?

Каков же выход при таком положении вещей? Что же делать? Раскол? Пустое! Об этом не может быть и речи. Партия наша едина больше, чем когда бы то ни было.

Откол? Пустое! Откалываться почти что некому, и партия до этого доводить дело не хочет.

Партийные взыскания? И это пустое! Это никому не нужно; теперь нужно другое.

Что же нужно?

Нужно, чтобы партия *обеспечила себя* от повторения «налетов» на ленинизм.

Нужны серьезные партийные гарантии, что решения партии будут *обязательными* и для тов. Троцкого.

Партия — не дискуссионный клуб, а *партия*, да еще действующая в такой сложной обстановке, как наша.

Лозунг сегодняшнего дня:

Большевизация всех слоев партии! Идеиная борьба против троцкизма!

Прежде всего — разъяснение, разъяснение и еще раз разъяснение.

Наша партия состоит более чем наполовину из сравнительно молодых членов организации. Многие из них улавливают антиленинистские ошибки Троцкого пока только классовым чутьем.

Нужно, чтобы вся партия *изучала* вопрос о ленинизме и троцкизме. Нужно, чтобы вся партия *ясно видела*, что дело идет тут о двух в основном различных системах тактики и политики.

Вопрос тут не только в истории партии, дело идет не только о прошлом. Дело идет о двух методах подхода к политике *насто-*

ящего дня, теснейшим образом связанной с такими кардинальными вопросами, как вопрос о взаимоотношении рабочего класса и крестьянства.

Большевизация наших собственных рядов — поскольку более молодые слои партии не имели еще возможности до сих пор полностью пройти школу ленинизма — вот это серьезная задача дня. И тут нельзя не поблагодарить тов. Троцкого за то, что он, во всяком случае, дает партии хорошую возможность наглядно проанализировать уклон от ленинизма и глубже вдуматься в основы большевизма.

Разумеется, партия должна добиться того, чтобы партийная дисциплина была обязательна и для тов. Троцкого. И мы уверены, что партия сумеет этого добиться. Чем больше принципиальной ясности по вопросам ленинизма и троцкизма создается в партии, тем меньше почвы для такой попытки, которую предпринял тов. Троцкий. Чем меньше резонанса встречает эта попытка в партии, тем меньше охоты будет ее повторять. А резонанс на этот раз поистине невелик. Тов. Троцкий видоизменил теперь свою «платформу» так, что на этой платформе, в сущности говоря, может стоять только один человек, а именно сам тов. Троцкий — на «площадке» места нет для других, даже для тех, кто до сих пор частенько поддерживал тов. Троцкого в его ошибках.

Во время прошлой дискуссии тов. Троцкий объявлял вернейшим «барометром» учащуюся молодежь. Мы не были согласны с тем, что это действительно есть лучший барометр. Мы не согласны с этим и сейчас. Однако приходится сказать, что даже этот не совсем идеальный барометр на этот раз показывает совсем не то, что в прошлом году, — показывает на то, что и учащаяся молодежь не желает подменять ленинизм троцкизмом.

Лучшее средство удержать тов. Троцкого от дальнейших ошибок, которые еще больше отдалят его от большевизма, это — дать самый единодушный отпор его нынешней ошибке. Если *вся* партия, как один человек, встанет против теперешнего уклона тов. Троцкого, то он, будем надеяться, сам скорей всего выправит свою ошибку.

Все, о чем мы говорили в предыдущей главе, разумеется, не есть еще вполне закончившийся процесс. Это только тенденция. Увидев всю губительность этой тенденции, увидев все единодушные партии против громадной ошибки тов. Троцкого, тов. Троцкий, будем надеяться, сойдет с неверного пути.

Не раз тов. Ленин формулировал «закон» политической эволюции тов. Троцкого: когда дело идет на подъем, тов. Троцкий большего частью приближается к большевистской линии; когда дело идет на затяжку или на временный упадок волны, тов. Троцкий колеблется вправо. Чтобы удержать его от теперешнего, очень уж чрезмерного колебания вправо, нужен идейный отпор со стороны *всей* партии.

Партия скажет свое окончательное слово, и еще и еще раз преждевременные злорадные ожидания врагов будут посрамлены. А большевистская партия получит новый, еще более крепкий закал, и подлинный ленинизм войдет в идейный обиход всех до единого членов нашей партии.

